
Анна Мартынюк
Тысяча миль до тебя

Анна Мортмейн
Тысяча миль до тебя

https://litres.ru/74715967

Аннотация

Иногда любовь начинается не со взгляда, а с письма.

Рокси — талантливый иллюстратор, которая предпочитает краски на холсте краскам реальной жизни. После болезненного разрыва она окружила себя стенами из мольбертов и тишины.

Итан — капитан армейской авиации, для которого небо стало и работой, и одинокой клеткой. Дни его состоят из приказов, шума вертолетов и пыли чужих пустынь.

Их миры разделяют тысячи миль, и у них нет ни единого шанса встретиться. Пока брат Рокси не просит ее написать одно-единственное письмо солдату в рамках школьной акции. Одно письмо. Один карандашный рисунок уставшего дракона на полях бланка. И подпись — просто «R.».

Так между Бостоном и зоной боевых действий завязывается переписка, где нет лиц — только души, выплеснутые чернилами на бумагу. Где можно быть предельно откровенным, потому что ты — всего лишь строчки в конверте. Где влюбляешься в голос, рожденный почерком, и боишься потерять человека, которого никогда не видел.

Знакомство по переписке Солдат и художница

Расстояние Любовь на расстоянии Настоящая любовь

Приятного чтения! Буду благодарна за ваши комментарии и лайки. Подписывайтесь, чтобы получать уведомления о новинках, и сохраняйте книгу к себе, чтобы вернуться к ней в любой момент!

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Дождь и... Ты	7
Глава 2. Без подписи	16
Глава 3. Температура и ответ	27
Глава 4. Семейный ужин	35
Глава 5. Между водой и огнём	46
Глава 6. Сорвать маску	55
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пролог

Бостон. Настоящее время. Рассвет.

— О чем думаешь? — Его голос был низким, хриплым от сна, без привычной сдержанности. Губы коснулись моего плеча.

Я лежала на боку, прижавшись спиной к горячему тела Итана. Его рука, тяжелая и расслабленая, лежала на моей талии. Я смотрела, как первые солнечные лучи просачиваются сквозь высокие окна студии, подсвечивая хаос творчества: тюбики с краской, стопки холстов, старую потертую кожаную куртку, брошенную на спинку стула.

Его куртка.

Я осторожно прикоснулась к его руке, провела кончиками пальцев по шершавым костяшкам, по тонкой белой линии шрама на тыльной стороне ладони — память о чем-то, о чем он еще не рассказывал. Он выдохнул, его пальцы сжались, притягивая меня еще ближе. В этом движении было столько простого, собственнического права, что у меня перехватило дыхание.

— Думаю, — собственный голос прозвучал тише шепота, — как все это началось. Из-за двух детей, которые подхватили грипп.

Он замер на секунду, медленно повернул меня к себе. Его губы растянулись в улыбку. В предрассветном полумраке его

глаза казались темными, почти черными, но в них не было ни тени той военной стали, о которой я читала в его первых письмах. Только тепло. И усталость. И что-то еще, от чего в животе заныло сладко и тревожно.

— Расскажи, — сказал он просто, и его рука легла мне на бедро, большой палец принялся медленно водить взад-вперед по нежной коже внутренней стороны бедра. Это был не вопрос. Это была приказ. И я готова была его выполнить.

Я закрыла глаза, прижалась лбом к его груди, вдохнула запах его кожи — мыло, мой мужчина и что-то неуловимо чуждое, горьковатое. Запах дальних дорог, которые он преодолел, чтобы оказаться здесь.

И я начала рассказывать. Сначала про дождь.

Глава 1. Дождь и... Ты

Бостон, район Бэк-Бэй. Год назад. Октябрь.

Дождь стучал по стеклам квартиры монотонным, навязчивым ритмом. Он шел уже третий день, превращая кирпичные фасады Бэк-Бэя в размытые акварельные пятна. Я стояла у окна, кутаясь в огромный свитер, и смотрела, как капли скатываются по стеклу, оставляя за собой мокрые следы. Идеальный день, чтобы не высовывать нос на улицу. Идеальный день для работы.

На мольберте изображен незаконченный портрет — лицо женщины с глазами, полными тоски, для обложки очередного любовного романа, но краски сегодня не ложились. Они казались тусклыми, безжизненными.

Дверь в прихожую распахнулась с грохотом, впустив внутрь моего брата.

— Чертова погода, — проворчал Крис, стряхивая капли со своего новенького пальто. В руках он сжимал промокшую картонную папку. — Ты не поверишь, какой у меня день.

— Дождливый? — насмешливо поинтересовалась я, не отрываясь от окна.

— Хуже, эпидемиологический. У Сэмюэля и Оливера диагностировали этот новомодный кошачий грипп, или что там сейчас в тренде. Весь класс писал письма солдатам, акция благотворительная, а эти двое на карантине. Работы не сдать.

Он бросил папку на мой рабочий стол, рядом с тюбиками краски. Несколько стандартных белых конвертов выскользнули наружу.

— Крис, нет, — хмуро взглянула на них. — Я не умею писать «ободряющие послания». Мои письма скорее демотивируют.

— Тебе не нужно уметь, — он улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой, которой всегда пользовался на учениках и на мне с детства и, стоит признать, она действовала безотказно. — Просто напиши что-нибудь нейтральное. «Желаю удачи, думаем о вас». Подпиши от имени ребенка. Пять минут работы.

Он уже направлялся к мини-кухне в поисках кофе. Я обреченно вздохнула и подошла к столу. Вытащила конверты. На каждом был напечатан адрес части и информация о солдате. Быстро заполнила первый бланк за «Сэмюэля»: «Дорогой сержант Миллер, спасибо за вашу службу. Надеюсь, у вас все хорошо. С наилучшими пожеланиями». Безлико. Безопасно.

Второй конверт был последним. «Капитан Итан М., 38 лет. Армейская авиация. АРО». АРО — Воздушный разведывательный отряд. Пилот. На секунду задержала взгляд на цифре «38». Всего на десять лет старше меня. А ведь мне такие нравились...

Взяла карандаш, чтобы так же механически заполнить формуляр, но рука замерла. Глаза снова уперлись в дождь

за окном. В эту серость. Какая, к черту, «удача» в месте, куда посылают таких людей? Какие «наилучшие пожелания» можно послать в адрес, откуда, возможно, не возвращаются?

Без особой мысли, почти рефлекторно, рука потянулась уже не к ручке, а к графитному карандашу. На чистом поле бланка, рядом с графой «пожелания», я начала рисовать. Не ангела и не флаг. Быстрыми, уверенными штрихами появился дракон, но не свирепый, огнедышащий зверь с герба. Мой дракон был уставшим. Он сидел, обхватив хвостом опору, похожую на стойку шасси вертолета, его могучие крылья были сложены за спиной, а голова покоилась на лапах. В его глазах, на которые я потратила чуть больше времени, был не боевой огонь, а тяжелая, вековая усталость и капля недоумения, как будто он спрашивал: «Какого черта я здесь делаю?».

Я откинулась назад, рассматривая работу. Глупо. Неуместно. Ребенок так не нарисует, но стирать уже не хотелось.

Под рисунком вывела четкими, почти каллиграфическими буквами: «Пусть ваш страж позволяет себе иногда спать. С наилучшими пожеланиями из вечно дождливого Бостона. — R.»

R. Просто R. Анонимность — мой щит.

Я сунула рисунок в конверт, запечатала его и бросила в общую стопку.

— Готово, — сказала я, когда Крис вернулся с кружкой кофе.

— Спасибо, Рокс. Ты меня выручила. — Он взял папку. — Завтра же отправлю.

Дверь закрылась за ним, и в квартире снова воцарилась тишина, нарушаемая только стуком дождя. Я вернулась к мольберту, к тоскливым глазам незнакомой женщины. Взяла кисть, попыталась смешать на палитре нужный оттенок, но вместо этого мой взгляд снова и снова возвращался к окну. К стекающим каплям.

«Куда улетают письма», — бессвязно подумала я. И кому в руки попадет нарисованный мной дракон.

Я отложила кисть. Работа не шла. Вместо этого налила себе вина, села в глубокое кресло у окна и уставилась в серую пелену за стеклом, пытаясь представить себе пустыню, солнце и одинокий вертолет на взлетной полосе, рядом с которым дремлет карандашный страж. Мысль показалась такой же абсурдной, как и сам рисунок. Я откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза, прислушиваясь к равномерному стуку капель. Это был единственный ритм, которому я сейчас доверяла.

Неожиданно раздался резкий, вибрирующий сигнал уведомления, заставивший вздрогнуть и резко открыть глаза. Я потянулась к телефону, валявшемуся на ковре рядом. Эмма.

Текст был типичным для неё, без приветствия, только суть: «ну что, надумала пойти сегодня на вечеринку к Паркеру? он обитает в кругах, где есть нужный тебе человек, разве не ты хотела пробиться дальше? рисовать не только обложки

для любовных романов?»

Я покачала головой, рассмеявшись про себя. Она как всегда в своем репертуаре. Эмма, мой агент и, по странному стечению обстоятельств, единственная подруга, которая выдержала мои периоды полного затворничества. Она верила в мой талант сильнее, чем я сама, и ее методы «продвижения» напоминали скорее лобовую атаку. Девушка в тёмном пальто на высоких каблуках бежала по тротуару, прикрывая голову сумкой. Каблуки отчаянно цокали по мокрой плитке, и она почти поскользнулась, перепрыгивая через лужу у бордюра. На перекрёстке загорелся зелёный, но первая машина замешкалась всего на секунду и сразу раздался резкий сигнал. Типичный городской нетерпеливый гудок. Я усмехнулась, глядя на поток машин, тянущийся вдоль ряда старых кирпичных домов. «Какой нервный».

Мои пальцы замедлились над клавиатурой. Вечеринка у Паркера. Паркер Рид, владелец небольшой, но набирающей вес галереи в Саут-Энде. Тот самый «нужный человек». Эмма терзала меня этим несколько недель. «Ему нужны свежие лица, Рокси. Твое мрачное, чувственное дерьмо — как раз то, что он ищет. Хватит прятаться».

Я посмотрела на свое отражение в темном окне: бледное лицо, волосы, собранные в небрежный пучок, с которого свисали пряди, огромный свитер, в котором я утопала. Я выглядела как реинкарнация отшельницы. Я вздохнула, и пар от моего дыхания на мгновение затуманил холодное стекло.

Согласиться было проще, чем долгое сопротивление и последующие уговоры. Быстро набрала ответ: «Хорошо, сходим. Хотя дождь на улице такой, что никуда не хочется идти».

Сообщение пришел почти мгновенно. «ох, милая, мне-то ты можешь сказать правду, дело не только в дожде.»

Я фыркнула, но не могла не согласиться. Черт ее побери, она знала меня лучше всех. Дело было не в дожде, а в гуле чужих голосов, в необходимости улыбаться незнакомцам, в оценке взглядов, скользящих по тебе, словно по товару на полке. Я ненавидела все это, но Эмма была права в другом — я хотела большего. Холст, который занимал всю стену. Выставку, где мои работы не служили бы просто фоном для чужой истории на обложке книги. Тишину в зале, нарушаемую лишь шагами перед моими картинами. Жажда была, но ее заглушал страх — страх выйти из-за своего мольберта, оказаться увиденной не только через призму своих рисунков.

«Договорились, — отправила я. — У входа в галерею. В девять?»

«В девять. Не опаздывай. Паркер ненавидит, когда творческие натуры демонстрируют свою якобы спонтанность опозданиями. И, Рокси…» Новое сообщение всплыло на экране, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок предчувствия. «п.с. надень что-нибудь сексуальное, вдруг кто приглянется.»

Я закатила глаза так сильно, что почувствовала легкое на-

пряжение в глазницах. «Сексуальное». Для Эммы это означало что-то обтягивающее, блестящее или с глубоким вырезом. Для меня же сама мысль о таком наряде была равносильна предложению пойти на вечеринку в костюме для подводного плавания. Неудобно, нелепо и душно.

«Обещаю не прийти в халате. Довольна?» — парировала я и отправила смайлик, показывающий язык. Вот же правда… Она никогда не сдавалась.

Поставив телефон на беззвучный режим, я отправилась в спальню: просторную комнату с голыми кирпичными стенами и огромной кроватью, которая чаще служила складом для книг и недописанных эскизов. Я распахнула дверцы шкафа. Ряд серых, бежевых, темно-синих свитеров. Несколько простых платьев из хлопка, которые я покупала, потому что их можно было надеть за секунду и в которых было удобно работать. В самом углу несколько вещей, висящих на вешалках, словно музейные экспонаты из прошлой жизни. То платье, в котором я ходила на вернисаж, где встретила того самого галериста из Нью-Йорка. Шелковая блузка, которую он назвал «очаровательно старомодной». Я провела рукой по ткани платья: черного, простого, но с безупречным кроем, которое когда-то было моей второй кожей. Я купила его для нашего первого совместного выхода — ужин в дорогом ресторане, где Мэтт, не отрывая взгляда от своего отражения в витрине, сказал: «Именно такую женщину, как ты, я хочу видеть рядом с собой».

С этим платьем были связаны каблуки, от которых ныли ступни, улыбки, от которых уставало лицо, и ощущение, что я красивая, но пустая рамка для чужой картины успеха. Я носила такие вещи, когда пыталась соответствовать образу идеальной девушки. Когда верила, что если буду выглядеть безупречно: достаточно тонкой, достаточно стильной, достаточно «художественной» в нужном, гламурном смысле, то заслужу любовь, внимание, уважение. А в итоге натыкалась лишь на придурков, которые видели только обертку. Последним был Мэтт, с его изменой с ассистенткой, которая выглядела еще лучше. После него я сожгла все мосты. А буквально — просто засунула эти вещи в дальний угол шкафа и купила свой первый по-настоящему огромный, бесформенный свитер и обнаружила странное облегчение. Стать обычной. Перестать быть мишенью. В джинсах и куртке меня не замечали мужчины, зато я наконец могла заметить саму себя. Или, по крайней мере, так я себе это тогда объяснила.

Теперь это платье казалось мне костюмом для роли, которую я не просто не хотела играть — я возненавидела сам сценарий.

«Сексуальное». Я прикусила губу. Нет. Ни за что. Потом резко сняла с вешалки черные узкие джинсы, простую черную водолазку из тонкой шерсти и кожаную куртку, потрепанную временем и носками. Это была моя новая униформа. Моя броня из обыденности. В этом я чувствовала себя собой. Неуязвимой, потому что неинтересной для охотников

за трофеями. Непримечательной, но... цельной.

Приняв душ, я надела выбранное, подвела глаза тонкой линией, добавив им хоть какой-то выразительности, и распустила волосы. Они густыми каштановыми волнами с медными прядками упали на плечи. В зеркале отражалась настоящая я. Оценивающий взгляд задержался на собственных темных глазах. «Хватит прятаться», — эхом прозвучали слова Эммы. Но я не пряталась. Я отступила на заранее подготовленные позиции и это было совсем не одно и то же.

Глава 2. Без подписи

Я вышла из дома, раскрыв зонт, который тут же вывернулся порывом ветра. Секунду я боролась с мокрым нейлоном, а затем просто опустила его, позволив холодному дождю бить по лицу. Было даже проще не притворяться, что можно остаться сухой в такой потоп. Я побежала по тротуару, и каждая лужа на асфальте будто норовила обдать ледяными брызгами от щиколоток до колен. Джинсы мгновенно потемнели и прилипли к коже.

Желтый огонек такси показался впереди, за стеной дождя. Я помахала рукой, почти поскользнувшись на мокром листе, и машина притормозила у обочины. Я грузно опустилась на заднее сиденье, сбросила под ноги зонт в сложенном, жалком состоянии. В салоне пахло старым кожаным сиденьем, дешёвым ароматизатором и сыростью.

— Шестьдесят восьмая, Питерборо-стрит, пожалуйста, — назвала адрес, вытирая влагу с лица тыльной стороной ладони. — Галерея «Энигма».

Водитель что-то пробурчал в ответ, и машина тронулась, вливаясь в медленный поток красных фонарей, растянувшихся по мокрому асфальту. Я прислонилась головой к прохладному стеклу, наблюдая, как город превращается в калейдоскоп размытых огней: вывески кофеен, неоновые буквы баров, фары встречных машин, плывущие, как подводные

миражи. И тут, в этой капсуле тишины и движения, меня накрыло. Мысль, от которой я отмахивалась дома, прорвалась сквозь усталость и раздражение от дождя.

Может, стоило написать что-то более развернутое?

Рисунок всплыл перед глазами. Мой дракон. Его глупая, усталая морда. И подпись: «Пусть ваш страж позволяет себе иногда спать». Звучало как снисходительная шутка. Как что-то, что бросают, не глядя. А ведь это была единственная искренняя вещь, вышедшая из-под моей руки за весь день. Да что там за день — за последнюю неделю. И я послала это в никуда. Незнакомому человеку, который, вероятно, видел вещи, перед лицом которых мой карандашный рисунок был просто детской мазней. Я представила, как он, капитан Итан М., получает пачку писем. Яркие открытки от детей, трогательные послания от пенсионерок. И среди них — мой угрюмый скетч с каким-то поучительным, претенциозным комментарием от анонимной «R.».

Стало неловко и стыдно до красноты кончиков ушей. От того, как наплевательски, почти цинично я отнеслась к такому важному посланию. Мне стало физически не по себе. Я сжала руки в замок на коленях, ощущая, как влажная ткань джинсов холодит кожу. «Идиотка», — прошептало что-то внутри. Нарисовала спасительного дракона и даже не потрудилась пожелать по-настоящему удачи.

— Мэм? Мы на месте.

Голос водителя, грубоватый и безразличный, заставил

вздрогнуть. Я очнулась, словно от толчка. Заплатила и выбралась обратно под дождь. Он уже стихал, превращаясь в мелкую, назойливую морось. Передо мной высилась холодная геометрия из черного гранита и панорамного стекла, где каждый светильник был дизайнерским объектом, а отполированные до зеркального блеска поверхности отражали небо, превращая здание в элегантный, дорогой монолит.

Лаконичная вывеска: «ENIGMA».

Я сделала глубокий вдох, в котором смешались запахи мокрого асфальта, осенней листвы и собственной нервной потливости. Стыд еще колыхался где-то глубоко, но его уже начала вытеснять знакомая, тяжелая готовность. Готовность к игре, в которую я не хотела играть.

Поднялась по мокрым ступеням к двери, за которой уже слышался приглушенный гул голосов и мерный бит музыки. Я потянула тяжелую матовую дверь из черненой стали и шагнула внутрь.

Звук дождя сменился на низкий гул голосов, приглушенный бит эмбиент-музыки и легкий звон бокалов. Воздух был прохладным, пахло свежей штукатуркой, белой краской для стен и дорогим парфюмом — сложными, неуловимыми композициями.

Пространство было огромным, белым, пустым и при этом невероятно плотным. Казалось, сама атмосфера здесь была куплена за большие деньги. На стенах висели работы — абстрактные полотна с ценами, от которых могло закружить-

ся голова, минималистичные инсталляции из металла и света. Люди стояли маленькими группами, не касаясь стен, как будто боялись оставить след. Они были красивы в той же холодной, отточенной манере, что и само пространство: идеальные стрижки, безупречный крой одежды из тканей, которые даже не шелестели.

Я почувствовала себя пятном на этом безупречном холсте. Вода с моей куртки капала на идеально отполированный пол. Я неловко стряхнула капли с рукава, и это движение показалось мне неуместным.

— Рокси! Боже, ты вся мокрая!

Эмма отделилась от группы у стойки с шампанским и быстрыми, уверенными шагами направилась ко мне. Она была воплощением этого места — в платье цвета хаки с геометричным вырезом, ее чёрные волосы уложены в идеальную волну. Она обняла меня, и я почувствовала тонкий аромат ее цветочных духов.

— Я же просила надеть что-то… — она отстранилась, ее взгляд мгновенно, профессионально оценил мой вид, но на лице сохранилась теплая улыбка. — Ладно, неважно. Главное, что ты здесь. Пойдем, представлю тебя Паркеру.

Она взяла меня под локоть и повела сквозь толпу. Я ловила на себе взгляды: быстрые, оценивающие, безразличные. Никто не улыбался. Здесь улыбались только намеренно, как часть негласного кодекса. Я машинально потянулась к пуговице на куртке, но остановилась. Снимать ее означало обна-

жить простую водолазку, и это было бы еще хуже. Куртка, хоть и мокрая, была моим щитом.

Паркера Рида заметила за несколько метров до того, как мы подошли. Он был высок, худощав, в идеально сидящем черном костюме без галстука. Его седые волосы были коротко подстрижены, а внимание, с которым он слушал молодого человека с бородкой, было настолько сфокусированным. Когда его взгляд переключился на нас, я почувствовала, как внутренне съеживаюсь. Его глаза, серые и острые, как скальпель, прошлись по мне с ног до головы, задержавшись на мокрых джинсах и потертых сапогах. В них не было ни осуждения, ни одобрения. Только холодный анализ. Как будто он оценивал не меня, а потенциальный объект для своей коллекции, и пока что не видел ничего, что стоило бы его времени.

— Паркер, позволь представить тебе Рокси Веснину, — голос Эммы прозвучал уверенно. — Тот самый иллюстратор, о чьих работах я тебе рассказывала. Ее чувство линии и тени нечто особенное.

Паркер медленно кивнул и протянул мне руку, его рукопожатие было сухим и сильным, длилось ровно столько, сколько требуется по этикету.

— Веснина, — произнес он, растягивая звуки. Голос у него был низкий, без эмоций. — Эмма показывала мне несколько цифровых работ. Мрачновато. Но в этом есть… кое-что. Где вы учились?

Вопрос прозвучал не как любопытство, а как первый пункт в чек-листе. Я назвала свою альма-матер — скромный художественный колледж на Западном побережье, а не престижную школу вроде RISD или Yale.

Его брови чуть приподнялись. Недостающий пункт.

— И вы работаете исключительно в цифре? Для… коммерческих проектов? — Он сделал небольшую паузу перед словом «коммерческих», и оно прозвучало почти как оскорбление.

— В основном да. Но я пишу и маслом, — выпалила я, ненавидя себя за эту подобострастную поправку.

— Масло это хорошо, — сказал он, но его взгляд уже блуждал где-то за моим плечом, выискивая в толпе более интересный объект для беседы. — Пришлите мне портфолио. Полное. Не только обложки. Эмма даст контакты.

Это было не предложение. Это была отписка. Вежливый способ закрыть тему. Он кивнул нам обоим, уже отворачиваясь. — Приятно было познакомиться, мисс Веснина. Эмма.

И он растворился в толпе, оставив после себя горький привкус разочарования. Я проходила по всем его пунктам, и все они оказались не теми. Не та школа, не тот вид искусства, не тот вид клиентов и уж точно не тот внешний вид.

Эмма выдохнула, ее профессиональная улыбка на миг сползла.

— Ну, это был контакт, — сказала она, стараясь звучать ободряюще. — Он запомнил имя. Теперь нужно просто впе-

чатлить его работами. Пойдем, выпьем. Ты выглядишь так, будто тебя только что выловили из залива.

Она потянула меня к бару. Я шла, чувствуя, как стыд от нелепого письма и унижение от холодного приема Паркера смешиваются внутри в один плотный, тяжелый ком. Этот мир: белый, холодный, донельзя претенциозный был таким же чужим, как и та база, куда улетело мое письмо. И я не принадлежала ни тому, ни другому. Я застряла где-то посередине, в дожде, в лужах, в своей мокрой одежде и полном ощущении того, что все, к чему я прикасаюсь, превращается в неловкость.

Оставшийся вечер мы с Эммой болтали, рассматривали работы, комментируя их с профессиональной отстраненностью. Эмма методично знакомила меня с другими «нужными» людьми — галеристками, критиками, коллекционерами. Я кивала, улыбалась натянутой улыбкой, слушала, запоминала имена и лица, но почему-то была уверена, что мы навряд ли ещё встретимся. В их мире я была случайным прохожим, в неряшливой одежде.

Задумавшись о своем, я отстала от Эммы и замерла напротив одной картины. Она была не похожа на другие — меньше размером, не абстрактная, а скорее сюрреалистичная: силуэт человека на фоне огромного, унылого здания, но вместо головы у него был старый, черно-белый телевизор со статикой. Картина не была подписана, имя художника неизвестно.

«Новичок», — мгновенно пронеслось в голове. Чувствуется рука, которая ищет свой язык. Есть мысль, но исполнение… робкое. Краска положена неуверенно, боится собственного голоса.

Хмыкнув про себя, я уже хотела отойти, как вдруг почувствовала чье-то присутствие сбоку. Паркер Рид стоял в полуметре, его руки были засунуты в карманы брюк, а взгляд изучал мое лицо, а не картину.

— Что думаете? — спросил он нейтрально.

Я внутренне напряглась. Возможно, его вопрос это ловушка. Тест на вкус, на смелость, на принадлежность к «кругу избранных». Ложь и лесть были бы самым безопасным путем, но после сегодняшнего усталость от притворства перевесила.

— Честно? — я встретила его взгляд. — Думаю, художник начинающий. Виден потенциал, есть попытка сказать что-то личное, но… рука еще не свободна. Боится сделать мазок смелее. В итоге получается не высказывание, а намек. Ему нужно приложить еще много усилий, чтобы идея прорвалась сквозь технику, а не застряла в ней.

Я выпалила это и замерла, ожидая ледяной вежливости или откровенной насмешки. Вместо этого Паркер… рассмеялся. Негромко, но искренне. Я инстинктивно сжалась, сердце заколотилось как сумасшедшее. Кажется, я совершила ошибку. Огромную.

— Благодарю вас, — сказал он, и смех в его голосе сме-

нился на что-то похожее на облегчение. — За действительно честное мнение. Все, у кого я спрашивал до этого, говорили, что картина дерзкое произведение искусства и я счастливчик, раз смог заполучить работу этого «многообещающего неизвестного художника». Думаю, они боялись высказать своё настоящее мнение, либо же его не имели.

Пока он говорил, я заметила, как изменилось его лицо. Острый, аналитический взгляд смягчился. Уголки губ приподнялись в лёгкой улыбке. Он стал выглядеть… живым. Не владельцем галереи, а просто человеком.

— Хотите открою секрет? — он понизил голос, сделав шаг ближе к картине. — Эту картину написал я.

Я пораженно уставилась на него, потом на холст, потом снова на него. В голове пульсировала одна мысль: он рисует. Я никогда не слышала об этом. Для всего остального мира Паркер Рид — галерист с безупречным вкусом, умеющий находить и раскручивать таланты, но не художник.

— Я… понятия не имела, — честно выдавила я.

— Так и задумано, — он снова улыбнулся, на этот раз шире, но в этом было больше тепла, чем во всей его предыдущей любезности. — Иногда полезно вспомнить, каково это, быть по ту сторону стены. Спасибо еще раз. И… я все еще жду ваше портфолио.

Он кивнул и развернулся, чтобы раствориться в толпе, которая тут же приняла его обратно в свои ряды, но теперь я видела его немного иначе. Не как неприступную скалу, а как

человека, который тоже знает волнение и прячет свою работу под подписью «неизвестный художник».

Со стороны уже подходила Эмма, в ее глазах отражалось целое море немых вопросов, требовавших немедленных ответов. Когда я все ей рассказала, она счастливо воскликнула и набросилась на меня с объятиями прямо посреди зала.

— Я же говорила! Ты его покорила! Не работами еще, но… собой! Это дорогого стоит!

— Да, да, — я высвободилась из ее объятий, стараясь не показать, как этот разговор действительно задел что-то внутри. — Но это еще ничего не значит. Он просто был благодарен за честность.

— Ой, не будь такой пессимисткой! Это знак. Самый лучший знак! — Эмма сияла, как будто уже видела мою фамилию на афише. — А теперь поехали домой. Ты вся еще мокрая, не дай бог, простынешь.

Мы вышли на улицу. Дождь совсем прекратился, оставив после себя холодную ночь и лужи, в которых отражались огни города. Я вдыхала свежий воздух с примесью озона, и странное чувство стыда от письма наконец отступило, уступив место новому, незнакомому ощущению, что сегодня я поступила правильно. Не как художник, ищущий одобрения, а как человек, который сказал то, что думает. И был за это… понят.

Мое письмо с драконом летело куда-то через океан. А я стояла здесь, на мокром тротуаре Бостона, и впервые за дол-

гое время чувствовала, что, возможно, не все мои поступки обречены на провал. Может быть, иногда достаточно просто быть честной. Хотя бы с собой.

Глава 3. Температура и ответ

Конечно же, я заболела. Прогулка под ледяным дождем и долгое нахождение в галерее в мокрой одежде сделали свое дело. Проснувшись на следующее утро, я почувствовала, будто по мне проехался грузовик: ломота в каждой мышце, раскалывающаяся голова и дикий жар. Градусник, сунутый под мышку, через пять минут показал безжалостные 39,5.

Черт. Как же я ненавидела болеть. Особенно сейчас, когда в голове еще витал призрачный шум вечеринки и обрывки разговора с Паркером.

Позвонила Крису, голос звучал хрипло, говорить было тяжело.

— Умираю, — проскрипела я. — Кажется, я заболела. Подкинешь до больницы?

Через сорок минут он уже был у меня дома. Его лицо, когда он увидел меня в дверях: закутанную в три одеяла, бледную и трясущуюся, выражало типичную панику старшего брата.

— Боже, Рокси, да ты вся горишь!

В итоге в срочном центре мне поставили ожидаемый диагноз — «острая респираторная инфекция», выписали кучу таблеток и строгий наказ: постельный режим. И всю следующую неделю я провалялась в постели, в странном состоянии

между сном и бредом. Мир сузился до размеров моей спальни: потолок, расписанный мной как только я въехала в свою квартиру, которую мне подарили родители, после поступления в колледж; утро и ночь сменяющие друг друга у меня за окном; успокаивающий звук увлажнителя.

Эмма писала мне каждый день, беспокоилась, предлагала приехать и «поднять боевой дух в женской компании», но я строго-настрого запретила, не хотела никого заражать. Даже Крис, который организовал для меня доставку еды и лекарств через курьерские сервисы, общался со мной только по телефону, стоя под дверью. Хотя я почти уверена, что его частые «рейды» с супом и имбирным чаем были не столько из-за моей болезни, сколько потому, что это давало ему легальный повод ежедневно отчитываться перед Эммой о моем состоянии. Их странный танец полшага вперед, два назад, продолжался с момента их знакомства. Он любил ее. Это было так очевидно в том, как он произносил ее имя и как замирал, когда она звонила. А она… Эмма мастерски делала вид, что не замечает. Как будто боялась испортить их идеальную динамику агента и доверенного лица семьи.

Когда жар наконец спал, и я смогла встать, не чувствуя, что мир плывет перед глазами, я вспомнила о своем обещании Паркеру. Работы. Я так и не отправила ему портфолио. Слабость все еще сковывала тело, но мысль о том, что я могу упустить этот призрачный шанс из-за собственной беспомощности, заставила меня доползти до ноутбука.

Написала Эмме. Она тут же скинула мне его прямой email: p.reed@enigma-gallery.com. С пометкой: «Не раздумывай!».

Я открыла папку с лучшими работами. Не просто обложки, а те личные скетчи, эскизы, наброски к неосуществленным проектам, где была только я и моё видение. Отобрала двадцать файлов. Составила письмо — коротко, по делу, без панибратства и самолюбования. «Уважаемый мистер Рид, как и обещала, высылаю портфолио своих работ. С наилучшими пожеланиями, Рокси Веснина». Прикрепила архив. Палец завис над кнопкой «Отправить» на секунду, но после я все же нажала.

Теперь начиналось самое сложное — ожидание. Чтобы не сойти с ума от мыслей, я заставила себя закончить тот самый портрет для любовного романа. Работа шла туго, но краски снова начали слушаться. Так прошло две недели с того вечера в «Энигме».

В одну из пятниц, когда я уже почти вернулась к нормальной жизни, ко мне в гости заглянула Эмма. Мы праздновали сдачу той самой работы, открыли бутылку дорогого красного вина, которое она притащила «для выздоровления».

— За то, чтобы вирусы боялись тебя, а не ты вирусов! — провозгласила она, чокаясь со мной.

Мы как раз смеялись над очередной ее историей про клиента, когда ключ повернулся в замке, и в прихожую вошел Крис.

— Ничего себе, ты какими судьбами? — удивилась я. — У

тебя же сегодня родительское собрание и подготовка к экскурсии. Я думала, ты занят до ночи.

Он вошел в гостиную, и его взгляд на секунду дольше, чем нужно, задержался на Эмме, прежде чем перешел ко мне. Такая привычная, почти невидимая для посторонних заминка.

— Поверь, я очень занят, — он вздохнул, проходя на кухню и наливая себе стакан воды. — Но мне нужно было тебе кое-что передать лично. Не мог ждать.

Он достал из внутреннего кармана куртки чуть помятый, прямоугольный конверт из плотной, сероватой бумаги. Мое сердце на мгновение замерло. Я уже знала, что это.

— Пришло ответное письмо, — сказал Крис, глядя на меня с легкой усмешкой. — Помнишь ту школьную акцию? Его прислали на адрес школы, как обратный ответ.

Едва он произнес эти слова, я уже сорвалась с места и вырвала конверт из его рук. Он был шершавым на ощупь, легким. В левом верхнем углу стандартный армейский штамп с номером APO (Army Post Office) и адресом: APO AE 09355. Это был адрес для почты, следующей на Ближний Восток. А в центре, четким, почти печатным почерком, было выведено:

"Мисс/Мистеру R.

В ответ на письмо от 5 октября.

Бостон, Массачусетс."

— Что за письмо? — заинтересованно протянула Эмма,

ее взгляд метнулся от моего лица к конверту. Я заметила, как Крис, объясняя ситуацию, смотрел не на нее, а куда-то мимо, будто боялся, что прямой взгляд выдаст что-то лишнее. Он всегда так делал, когда дело касалось ее. Бедный мой брат. Его храбрости хватало на то, чтобы руководить классом из тридцати подростков, но не на то, чтобы признаться в чувствах моей лучшей подруге.

Пока Крис в двух словах объяснял ей про акцию, я почти не дыша вскрыла конверт острым ножом для бумаги. Внутри лежал один листок, сложенный втрое. Такая невзрачная бумага, казенная. Я развернула его.

Почерк был удивительным. Не каракулями, а четким, уверенным, слегка наклоненным вправо. Каждая буква была прописана с почти каллиграфической аккуратностью, но в закруглениях и росчерках чувствовался острый ум и харизма.

«Здравствуйте, Мисс (или Мистер) R.

Ваш дракон прибыл в пункт назначения в полной сохранности и был немедленно прикомандирован к моей приборной панели. Он выглядит несколько озадаченным своим новым назначением, что, признаться, делает его гораздо более симпатичным сослуживцем, чем большинство из тех, с кем мне доводилось делить палатку. Спасибо за стражника, который не притворяется, что ему здесь комфортно. В наших краях это редкое и ценное качество.

Вы угадали с породой, хотя я в этом не уверен. Моя ба-

бушка, родом из Инвернесса, на полном серьезе утверждала, что в наших венах течет кровь драконов. Но, учитывая, что я сейчас нахожусь в местности, где единственные горы — это кучи песка, а вместо драконов есть кое-что похуже, ваш вариант мне нравится больше. Он дает больше надежды.

Что касается ваших пожеланий из «вечно дождливого Бостона»… Я бы сейчас продал душу за десять минут такого дождя. У нас здесь сезон, который местные поэтично называют «хамсин» — ветер, который несет не воду, а раскаленную пыль. Она забивается во все щели. Даже дракон, кажется, чихает.

Еще раз спасибо. Ваше письмо было… неожиданным. И в хорошем смысле.

С уважением,

Капитан Итан М.

P.S. Мой сержант, человек не самого тонкого душевного склада, посмотрел на рисунок и спросил: «Это что, новый талисман, сэр? От ребенка?» Я был вынужден соврать и сказать «да». Потому что если это нарисовал ребенок, R., то вам следовало бы быть где-то в списке вундеркиндов журнала Time. Мне искренне интересно, сколько вам на самом деле лет.»

Я перечитала письмо. Потом еще раз. Воздух в комнате словно сгустился. Я не слышала, о чем говорили Эмма и

Крис. Весь мой мир сузился до этого листка, до этих чернильных строк, пахнущих чем-то чужим: пылью, металлом и далекой, незнакомой сухостью.

Это был не формальный ответ «спасибо за вашу поддержку». Это был… слегка ироничный, но невероятно живой разговор. Он заметил детали. Он соврал своему сержанту, чтобы защитить анонимность какого-то незнакомца по другую сторону океана. И он задал вопрос. Прямой, обезоруживающий.

— Ну и что там? — голос Эммы вернул меня в реальность. Она смотрела на меня с нескрываемым любопытством. — Приглашение на ужин? Признание в любви?

Я медленно подняла на нее взгляд, все еще чувствуя, как кровь стучит в висках.

— Он спрашивает, сколько мне лет, — глухо сказала я.

Крис фыркнул, перехватывая мой взгляд. В его глазах мелькнуло что-то вроде братской насмешки: «Ну вот, влипла». Эмма же замерла, а потом ее лицо озарила медленная, понимающая улыбка. Она перевела взгляд на Криса, и на долю секунды в ее глазах промелькнула какая-то сложная смесь нежности и сожаления, прежде чем она снова уставилась на меня.

— Ого, — протянула она, и в ее голосе прозвучал тот самый профессиональный интерес, с которым она оценивала потенциально выгодный контракт. — Значит, твоя открытка попала не просто в цель. Она попала в самое яблочко. Ну,

Рокси? Будешь отвечать своему капитану?

Я снова посмотрела на письмо. На четкие строки. На тот самый постскриптум. И впервые за две недели, за всю эту болезнь и неуверенность, я почувствовала опасный интерес.

Что, если ответить?

Глава 4. Семейный ужин

«Любовь означает, что ты позволяешь другому человеку быть собой. Иногда даже тем, кем ты не хочешь, чтобы он был. И это нормально. Это даже хорошо. Потому что ты хочешь, чтобы человек, которого ты любишь, был счастлив. И ты должен доверять ему».

Тед Мосби

© Как я встретил вашу маму» (сериал)

— Не знаю, — наконец выдохнула я, сжимая конверт в руках. — Мне нужно подумать.

Но это была ложь. Я уже знала, что отвечу. Потому что в этом письме было больше искренности, чем во всей моей прошлой жизни. И это было невероятно заманчиво.

Эмма и Крис ушли, оставив меня наедине с конвертом и хаосом в голове. Я положила письмо на чистый стол, рядом с палитрой, где засохли краски. Контраст был поразительный: яркие пятна от масляных красок и этот аскетичный серый листок, будто пришелец из другого измерения.

Неделю я тянула. Сначала говорила себе, что нужно обдумать. Потом, что неловко отвечать незнакомому мужчине, да еще военному. Затем, что у меня дедлайн. Все это было

слабыми отговорками. Правда заключалась в том, что я боялась. Боялась сорваться с этой безопасной, знакомой орбиты одиночества и работы. Боялась, что мои слова покажутся глупыми. Но каждый вечер, садясь за чашку чая, я перечитывала его письмо. И с каждым разом страх немного отступал, уступая место любопытству. Он был настоящим. И мне отчаянно захотелось ответить ему тем же — не притворяясь, не играя роли.

На восьмой день, поздно вечером, когда за окном снова заморосил холодный бостонский дождь, я достала лист плотной бумаги для акварели. Взяла свой любимый рапидограф, который оставлял четкий след. Я прижала ладонь к бумаге, чувствуя её шероховатость, и начала писать.

«Капитан Итан М.,

Мисс R. получила ваше письмо и благодарит вас за новости о драконе. Приятно знать, что он не только добрался в целости, но и активно выражает своё мнение о местном климате. Если он чихает, значит, всё ещё жив, бодр и сохраняет характер. Это утешает.

Примите мои сочувствия по поводу хамсина. Мой дождь внезапно перестал казаться таким уж трагичным. Хотя после трёх недель болезни, заработанной благодаря прогулке под бостонским ливнем, я, возможно, не самый объективный адвокат плохой погоды.

Что касается вашего постскриптума: мне двадцать восемь. И, к сожалению или к счастью, я не вундеркинд из

журнала Time. Я художница: рисую для книг, иногда для себя, иногда для душевного равновесия. Драконы, уставшие люди и прочая фантастическая живность — это мой способ справляться с реальностью.

Ваши слова о шотландских корнях заставили меня улыбнуться. Моя бабушка была из Глазго и утверждала, что в нашей семье течёт не кровь, а вода из вечных туманов и дождей. Возможно, поэтому мой дракон выглядит слегка простуженным и философским. Думаю, наши бабушки нашли бы общий язык и с удовольствием поспорили бы о мифическом наследии за чашкой чая.

Вы написали, что продали бы душу за десять минут моего дождя. Очень прошу, не делайте этого! Душа, на мой взгляд, куда ценнее любой погоды. А дождь, как и командировки, всё-таки имеет привычку заканчиваться.

С наилучшими пожеланиями из Бостона, где зонты наконец можно оставить дома, но почему-то совсем не хочется.

Искренне ваша,

Рокси.

P.S. Вы солгали сержанту, что рисунок от ребёнка. Значит, мы с вами теперь соучастники маленького, безобидного заговора. Надеюсь, воинский устав не предусматривает за это сурового наказания.»

Я откинулась на спинку стула и перечитала написанное. Сердце колотилось, будто я только что совершила что-то за-

претное. В письме не было ни кокетства, ни пафоса. Только факты, легкая самоирония и… признание. Признание в том, кто я есть. Я не пряталась за инициалом. Я подписалась своим именем.

На следующее утро я отнесла письмо на почту. Конверт был простым, без обратного адреса, только его армейский APO. Я опустила его в жёлтый ящик, и металлический щелчок крышки прозвучал как приговор. Теперь ничего нельзя было изменить.

Обратная дорога домой казалась нереальной. Я только что отправила часть себя в пустыню, к человеку, которого никогда не видела. Это было безумием.

Остаток дня я провела, бесцельно бродя по квартире, не в силах взяться за кисть. Теперь начиналось новое ожидание, но на этот раз оно было другим. Я поймала себя на том, что смотрю на карту мира на стене, пытаясь представить, где именно сейчас может находиться конверт с моим именем. И впервые за много месяцев я почувствовала не пустоту, а связь. Хрупкую, невидимую, опасную, но связь.

Через несколько дней, нарезая овощи для салата и поставив телефон на громкую связь, я не выдержала.

— Как ты думаешь, сколько ещё ждать? — спросила я Эмму, стараясь, чтобы голос звучал просто из вежливого любопытства. Не вышло.

— Думаю, уже скоро, — без раздумий ответила она. В ее голосе сквозил тот самый энергичный тон делового опти-

мизма, который меня скорее нервировал, чем успокаивал. — Поверь, без ответа он тебя не оставит. Паркер Рид даст знать тебе, даже если это будет отказ. Но мы-то знаем, что отказом это не будет.

— Умеешь ты успокоить, подруга, — я хмыкнула, но в тот же миг резко втянула воздух от острой боли. Нож соскользнул, и на указательном пальце теперь зияла неглубокая царапина.

— Что у тебя там случилось?! — голос Эммы из динамика стал резким, обеспокоенным.

— Ничего страшного, порезалась, — сквозь зубы прошипела я, бросаясь к раковине. — Сегодня Крис на ужин заявится, вот и готовлю впопыхах.

Промыла палец под ледяной водой, наблюдая, как алая струйка растворяется в водовороте. Потом сходила за аптечкой, смазала ранку, залепила пластырем с милыми котиками (подарок Эммы) и, тяжело выдохнув, вернулась к разделочной доске.

— Снова он? — в голосе подруги послышалось знакомое недовольство. — Он вроде большой мальчик. Не может приготовить себе сам?

— Ты же его знаешь, — вздохнула я, начиная аккуратнее шинковать морковь. — Он боится одиночества в своей пустой квартире больше, чем огня. А готовить… Ну, ты помнишь тот раз, когда я предложила ему воспользоваться моей кухней, чтобы самому сделать завтрак, а мне поспать по-

дольше?

— О боже, помню! — Эмма расхохоталась. — Ты звонила мне в семь утра в бешенстве, потому что он чуть не спалил тебе квартиру. Как можно умудриться поджечь обычную яичницу?!

— Вот именно. У Криса талант — невозможное сделать возможным. Так что, чтобы моя кухня и я сама остались в целости и сохранности, лучше уж я покормлю его сама. Это дешевле, чем новый ремонт.

В трубке на секунду воцарилась тишина, а потом голос Эммы прозвучал с новой, игривой ноткой.

— Кстати, ты написала тому парню? Капитану Итану, кажется?

Только я взялась варить картофель, как от неожиданности мои пальцы дрогнули, и тяжелая кастрюля выскользнула из рук. Я едва успела поймать ее на лету, громко лязгнувшую о край стола. Сердце колотилось как бешеное.

— Что у тебя там за грохот? Тебе точно не нужна помощь? Ты там убьешься! Аааа… — она протянула этот звук, наполненный внезапным пониманием. — Или это… такая реакция на твоего капитана?

— Он не «мой», успокойся уже, Эмма, — буркнула я, чувствуя, как предательское тепло разливается по щекам. — И да, написала. Это всего лишь письмо. Вежливый ответ. Я же не могла проигнорировать его, ещё и после той глупой открытки.

— «Всего лишь письмо». Понятно, — она растянула слова, и эта игривость ясно дала понять: она мне не верит. Что ж, пусть. Эмма умела найти скрытый смысл и романтический подтекст даже в инструкции к микроволновке.

— Может, лучше ты мне расскажешь, что у вас с моим братом? — парировала я, намеренно делая голос беззаботным.

Эффект был мгновенным.

— Ох, представляешь, мне только что пришло сообщение от клиента! Срочное! Мне пора бежать. Пока! Люблю, целую!

Гудки в телефоне и тишина. Она сбежала. Как всегда. Стоило только коснуться Криса и вот оно, это виртуозное, отточенное годами бегство. Бросить трубку, сослаться на работу, резко сменить тему. Легкий способ закрыть неудобный для нее разговор.

Я покачала головой. Что ж, пусть разбираются сами. Я больше не буду лезть. У меня и своих проблем хватает.

Спустя два часа ужин был готов. На столе стояли любимые блюда Криса: стейк с розмарином, печеный картофель и тот самый салат, из-за которого я чуть не лишилась пальца. Пять минут назад он написал: «Подъезжаю!». Вечер обещал быть тихим, семейным и предсказуемым.

Я зажгла на столе свечу, просто так, для атмосферы, и прислушалась. В тишине квартиры, пахнущей едой и воском, вдруг снова отозвалось эхо того щелчка почтового ящи-

ка. И странное, тихое ожидание, теперь уже знакомое, снова легкой тяжестью опустилось где-то под сердцем. Я ждала не только брата. Я ждала ответа. И, кажется, впервые за долгое время, само это ожидание было волующе приятным.

Звук ключа в замке, а затем щелчок открывающейся двери известил о прибытии Криса. В прихожей пахло ноябрьским холодом и его парфюмом: горьковатым бергамотом, тёплым древесным аккордом сандала и едва уловимой, почти табачной сладостью. Всегда тем же, одним и тем же ароматом, который он купил однажды, сказав: «Пахнет как старая библиотека в хорошем смысле», и с тех пор не изменял себе. Запах надежного, неизменного прошлого.

— А вот и наш вечно занятой педагог, — сказала я, помогая ему снять куртку. — Как дела? Как ученики?

— Ох, эти неугомонные создания когда-нибудь сведут меня с ума, — он прошел на кухню, тяжело вздыхая, но в его глазах светилась усталая нежность. — То они массово объявляют бойкот уроку, потому что тема кажется им скучной, то подходят ко мне со своими рисунками и говорят, будто я лучший учитель в мире. И я так тронут, что забываю обо всех их проделках.

— Кажется, они раскусили твою слабость и теперь крутят тобой, как хотят, — предположила я, с улыбкой наблюдая, как его взгляд прилипает к столу.

— Я бы не удивился, — пробормотал он, но уже не слушал меня. Его ноздри дрогнули. — М-м-м… Это что за бо-

жественный аромат? Неужели мой любимый стейк с розмарином?

Он потер ладони, и на его лице расцвела детская, совершенно беззащитная улыбка. Этот взрослый, серьезный мужчина моментально превращался в мальчишку перед тарелкой с любимой едой. Он ринулся к столу, отрезал огромный кусок и, почти не прожевав, отправил в рот. Его голубые глаза блаженно закрылись, и он издал протяжный стон удовольствия.

— Да-да, твоя сестра лучший повар на свете, можешь не благодарить, — сухо заметила я, садясь напротив.

— Ох, прости, Рокси, — он проглотил и смущенно потупился. — Когда я вижу твой стейк, у меня в голове включается какой-то первобытный инстинкт. Пока не съем, не успокоюсь.

— Я знаю, поверь, — рассмеялась я и принялась за свою порцию.

Тишину нарушал только стук ножей и его довольное сопение. Но я чувствовала, как его взгляд время от времени тяжелеет, становясь более внимательным. Он копался в картошке, откладывая разговор, но не мог долго терпеть.

— Кстати, я не спросил, — начал он осторожно, не поднимая глаз от тарелки. — Ты отправила письмо тому солдату?

— Боже, только не ты, — вздохнула я, откладывая вилку. — Почему всем вдруг стало так интересно, написала я или нет?

— Прости, — он наконец посмотрел на меня, и в его глазах не было ни капли насмешки, только та самая братская забота, которая иногда могла быть невыносимой. — Я просто… переживаю. После того… — он замялся, не желая произносить имя Мэтта. — После того говнюка ты заперлась в этой квартире, будто в крепости. Сменила весь гардероб, перестала ходить куда-либо. А теперь… я вижу огонек. Тот самый, что был раньше. И мне страшно, что кто-то снова может его задуть. Хотел бы я, чтобы никто больше тебя не ранил, Рокси.

Его слова, такие простые и прямые, тронули что-то глубоко внутри, там, где все еще ноющей раной жило старое предательство.

— Ты же знаешь, тогда я подстраивалась, — тихо сказала я, глядя на пламя свечи. — Я носила неудобную одежду, улыбалась, когда хотелось плакать, боялась услышать малейшую критику. А после… после измены я многое переосмыслила. Нет смысла гнаться за чужим идеалом. Лучше быть собой. Настоящей. Той, какой я себя ощущаю внутри, даже если эта «я» предпочитает джинсы и уединение вечеринкам.

Я сделала паузу, давая словам осесть.

— В какой-то степени та ситуация помогла мне добраться до сути. Я довольна собой. Я одеваюсь так, как хочу. Выбираю комфорт вместо погони за одобрением. А то, что я много сижу дома… — я выдержала театральную паузу, заставляя его наклониться вперед. — У этого есть две причины.

Во-первых, моя работа позволяет это. А во-вторых… — я улыбнулась. — Я интроверт, если ты не в курсе. И мне с собой хорошо.

Крис смотрел на меня, и постепенно напряжение с его лица сошло, сменившись теплой, облегченной улыбкой. Он медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он просто. — Если ты счастлива, для меня это самое главное. Ведь после смерти родителей… мы как-то отдалились. Замкнулись каждый в своем мире. А теперь… — он развел руками, указывая на стол, на нас. — Теперь мы снова можем говорить на любые темы. Просто быть рядом. Это дорогого стоит.

В его голосе прозвучала та самая тихая грусть, которая всегда была фоном наших отношений: общая потеря, общее одиночество, которое мы годами носили в себе по-отдельности. И сейчас, в свете свечи, за простым ужином, казалось, мы наконец-то разделили его вес. И стало легче.

Глава 5. Между водой и огнём

Спустя две недели рутины: кисти, растворители, бесконечные правки от заказчиков и три новых, срочных обложки, я получила долгожданный ответ от Питера Рида. Письмо было кратким, по делу и на фирменном бланке «Энигмы». Он приглашал меня в свой кабинет через три дня, чтобы обсудить детали возможного сотрудничества.

В этот момент я шла через сквер в сторону художественного магазина, чтобы срочно закупить ультрамарин и белила, без которых встала вся работа. Срок горел, и каждый час был на счету.

Когда на экране телефона всплыло имя отправителя, я замерла посреди аллеи. Потом, не веря глазам, перечитала письмо. И через секунду уже набирала Эмму.

— Эмма! — выпалила я в трубку, едва она сняла.

— Господи, Рокси, я чуть не оглохла! Ты в порядке?

— Питер Рид! Он ответил! Согласился, пригласил на встречу обсудить детали! Ты идёшь со мной как мой агент, это не обсуждается!

На той стороне на секунду воцарилась тишина, а затем раздался такой же оглушительный вопль.

— О БОЖЕ! ДА! Да, да, да, конечно я иду!

Мне пришлось отодвинуть телефон от уха. Мы смеялись, перебивая друг друга, и тут же договорились встретиться че-

рез три дня в нашем кафе, а оттуда прямиком в «Энигму».

Идя дальше, я едва сдерживала улыбку и порыв пританцовывать на месте. Рано было говорить о чём-то грандиозном, но этот холодный, профессиональный имейл был первым реальным мостом из моей студии в большой мир. Я уже представляла, как мы с Эммой сидим в его белоснежном кабинете…

Внезапно телефон снова завибрировал. Сообщение от Криса.

«Рокси, спасай. Забыл ланч-бокс на кухне. Голодный обморок в кабинете через час неминуем. Можешь привезти что-нибудь съедобное?»

Я закатила глаза, но повернула к ближайшему кафе. Заказала два больших комбо и кофе, села в такси и через двадцать минут уже шла по знакомым, пахнущим мелом и дезинфекцией школьным коридорам.

Где же его кабинет? Я так редко бывала у него на работе. Спросила у пробегавшей мимо девочки в розовых очках, та молча ткнула пальцем в конец коридора. Дверь с табличкой: «Крис Веснина. Литература».

Я вошла без стука. Крис сидел за столом, погружённый в проверку стопки сочинений, и выглядел так, будто его забыли в этом кресле навсегда. Услышав шаги, он поднял голову и мгновенно преобразился, лицо озарила детская, голодная надежда.

— А вот и мой спасительный обед!

— И тебе привет, — хмыкнула я, выкладывая на стол контейнеры, он накинулся на них будто не ел целые сутки. — Ладно, раз уж я здесь, есть новость. Питер Рид согласился на встречу, чтобы обсудить сотрудничество.

Крис замер с поднесенной ко рту ложкой салата. Его лицо приняло такое комично-ошеломлённое выражение: брови взлетели к волосам, глаза округлились, что я не сдержала смеха.

— Рокси… Это же… Это потрясающе! — Он отставил контейнер и встал. Лицо стало серьезным, но глаза сияли. — Я так за тебя рад. Действительно рад. Горжусь тобой, сестрёнка. Иди сюда, давай обнимемся!

Он раскрыл объятия, ожидая, что я подойду. Я сложила руки на груди и сделала строгое лицо.

— Сначала вымой руки. Ты же только что держал в них мясную котлету. Мне не хочется пахнуть как школьная столовая.

— Ох, какая же ты капризная, — вздохнул он, но с улыбкой. — Ладно, ладно, как раз закончил.

Он направился к двери, но на пороге резко развернулся, хлопнув себя по лбу.

— Точно! Чуть не забыл!

Он порылся в верхнем ящике стола и аккуратно достал оттуда слегка помятый конверт. Знакомый сероватый оттенок бумаги, армейский штамп. От него...

— Сегодня пришло. На адрес школы, — он протянул его мне. — Давай мы всё-таки пропишем нормальный обратный адрес, а не школьный. Администрация начинает косо на меня поглядывать.

— Конечно, я дам свой, — растерянно сказала я, принимая конверт. Сердце взволнованно ёкнуло.

— Нет, давай лучше мой, — быстро возразил Крис, и в его голосе внезапно прозвучали знакомые старшему брату нотки. — Я буду тебе их привозить. Так… спокойнее. А то мало ли что. Если он вдруг окажется маньяком, пусть лучше приедет ко мне. Вот это будет сюрприз, — он зловеще понизил голос и ударил кулаком по ладони, изображая крутого парня.

— Каким был ребёнком, таким и остался, — покачала я головой, но улыбка пробивалась сквозь напускную строгость. — Ты вроде бы шёл в уборную?

— Выгоняешь, выгоняешь, ладно, пошёл.

Как только дверь за ним закрылась, я опустилась на стул ученика у его стола. Тишина в пустом кабинете стала вдруг очень громкой. Я провела пальцем по шершавой поверхности конверта, чувствуя подушечкой лёгкий рельеф армейского штампа. Потом аккуратно, стараясь не порвать, вскрыла его.

«Мисс Рокси,

Ваше письмо добралось до меня вопреки хамсину, военной почте и сержанту, который считает, что вся корреспонденция — потенциальная угроза дисциплине. Оно оказалось

куда более приятным риском, чем большинство вещей, с которыми мне доводится сталкиваться здесь. Рад познакомиться с вами, наконец.

Спасибо за честность. Двадцать восемь — это возраст, когда ты уже видишь мир без иллюзий, но ещё не разучился смотреть на него под своим, особенным углом. Судя по вашему письму и вашему дракону, ваш угол обзора сочетает в себе остроту ума и удивительную глубину чувств.

Вы написали, что рисуете существ, которые чувствуют слишком много. Любопытное совпадение: я служу среди людей, которые слишком многое скрывают. Возможно, поэтому ваш рисунок здесь выглядит не просто уместным, он кажется напоминанием о том, что у чувств тоже есть право на существование. Даже в пустыне. Особенно в пустыне.

Дракон по-прежнему чихает. Я начинаю подозревать, что это его способ выражать тоску по дождю… или по автору. Если второе, то я его понимаю.

История о вашей бабушке из Глазго мне близка. Моя уверяла, что в нашем роду слишком много огня для спокойной жизни. Вероятно, идеальное равновесие — это когда вода охлаждает пыл, а огонь не дает застояться.

Вы правы насчёт души. Я решил оставить её при себе, по крайней мере до тех пор, пока у меня есть возможность обменивать её не на дождь, а на ваши письма. Они куда более редкое и ценное явление.

Спасибо за то, что ответили. Ваше письмо стало одним

из немногих событий, которые здесь хочется не только запомнить, но и перечитать.

С уважением,

Капитан Итан М.

P.S. Мы по-прежнему соучастники в небольшом и, надеюсь, безнаказанном обмане. Если сержант однажды узнает правду, я, разумеется, скажу, что стал жертвой чрезвычайно талантливой художницы из Бостона. И, признаться, это обвинение я приму с удовольствием.»

Как только я вчиталась в первую фразу, воздух в кабинете словно перестал двигаться. В его словах сквозила та же суховатая, заземленная ирония, что и в первом письме, но теперь окрашенная оттенком… чего-то почти личного. «Рад познакомиться с вами, наконец». Простая фраза, но она упала прямо в точку где-то под грудью, заставив сердце сделать странный, сбивчивый толчок.

Я читала медленно, смакуя каждое предложение, как глоток крепкого, незнакомого вина.

«…служу среди людей, которые слишком многое скрывают… напоминанием о том, что у чувств тоже есть право на существование. Даже в пустыне. Особенно в пустыне.»

От этих строк по спине пробежал холодок, сменившийся мгновенным теплом. Он понял. Не просто принял к сведению, а понял самую суть моего рисунка — то, о чем я сама не решалась подумать вслух. Это было невероятно.

Фраза про дракона, тоскующего по автору, заставила меня рассмеяться тихим, сдавленным звуком, смесь смущения и дикого, непозволительного удовольствия. Он флиртовал. Нет, даже не так. Он делал нечто более изощренное: впускал меня в свою игру, предлагая общий, тайный язык нам двоим.

А его замечание о бабушках… «Вода охлаждает пыл, а огонь не дает застояться». Я перечитала эту фразу несколько раз, пока губы не растянулись в непроизвольную улыбку. Он говорил о балансе, о нашем диалоге.

P.S. заставил меня закрыть глаза на секунду. «Жертва чрезвычайно талантливой художницы». Господи. Он дал понять, что мой «талант» для него не пустое слово, а факт, с которым он готов считаться.

Я опустила письмо на колени и уставилась в окно кабинета, на пустую школьную спортивную площадку, но я не видела асфальта и голых деревьев. Я видела раскаленный песок, вертолет на взлетной полосе и мужчину с острым умом и усталыми глазами, который где-то там, за тысячу миль, прочитал мои слова и… улыбнулся. Не вежливой улыбкой, а настоящей. Такой же, как сейчас была на моем лице.

Это было уже не любопытство. Это было что-то глубже. Что-то, от чего в животе сладко и тревожно заныло. Он был реальным. Слишком реальным. Со своим умом, своей болью, своей одинокой миссией в пустыне и готовностью вести этот нелепый, прекрасный диалог через полмира.

Дверь кабинета скрипнула. Крис вошел, вытирая руки.

— Ну что, спасительница моего желудка? Голодный обморок успешно предотвращён, можно возвращаться к уче… — он замолчал, увидев мое лицо. Его собственная улыбка медленно сползла, сменившись изучающим, братским взглядом. — Рокси? Что случилось?

— Все хорошо, — я подняла на него взгляд, и краешек письма дрогнул у меня в пальцах. — Просто он оказался куда интереснее, чем я могла предположить.

Крис прислонился к косяку, скрестив руки на груди. Его взгляд был теперь полностью сосредоточен на мне, на дрожании в голосе, на том, как я бережно складывала листок, будто это не бумага, а драгоценность.

— Ладно, — сказал он, отталкиваясь от двери. — Главное, чтобы «интересно» не значило «опасно». А теперь давай, художница, беги творить свои шедевры. И, кстати… — он обернулся на пороге, и в его глазах мелькнул тот самый озорной огонек. — Не забудь придумать, что сказать этому своему капитану в ответ. Похоже, у вас завязалась настоящая переписка.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой. Я осталась одна в тишине кабинета, но тишина эта была уже иной. Она была наполнена гулом далекой базы, шепотом горячего ветра и низким, уверенным голосом, который только что назвал меня «чрезвычайно талантливой художницей». Я провела ладонью по карману, где лежало письмо.

«Что сказать в ответ?» — эхом отозвался во мне вопрос

Криса.

Глава 6. Сорвать маску

В назначенный день мы встретились с Эммой в нашем кафе. «Нашим» оно стало шесть лет назад, вскоре после того, как мы с Эммой только познакомились. Тогда я, только что получив свой первый серьезный заказ, паниковала и была уверена, что всё провалю. Эмма, ещё не мой агент, а просто новая знакомая с невероятной верой в окружающих, буквально затащила меня в это место, тогда ещё неприметную кофейню с выцветшей вывеской «Марго».

— Здесь подают самый крепкий эспрессо в городе, — заявила она тогда, усаживая меня за столик у окна. — Он либо развеет твою панику, либо превратит её в топливо.

Мы просидели три часа. Я рисовала на салфетках, она строила грандиозные планы. Мы пропустили через себя литры кофе и съели полный поднос круассанов. И именно здесь, за столиком у окна, под треск старой кофе-машины, Эмма сказала фразу, которая всё изменила: «Рокси, твои рисунки — это не просто картинки. Это целая история. И я знаю, как это продавать». С тех пор мы отмечали здесь все победы и провалы. Марго, владелица, даже повесила на стену одну из моих первых «салфеточных» зарисовок, и теперь она висела в рамке рядом с кассой, напоминая, с чего всё начиналось.

Сейчас кафе переименованно в более гламурное «Мано», но почти не изменилось. Тот же запах: смесь свежемолотых

зёрен, корицы и старого дерева. Те же потертые бархатные диваны. И тот же столик у окна, за которым Эмма уже сидела, безжалостно ковыряя ложкой в гигантской порции тирамису.

Я подошла, и она тут же отложила десерт, её взгляд стал острым, профессиональным.

— Ну что, готова покорять мир искусства? Или хотя бы кабинет Рида? Дай взглянуть на тебя.

Она оценивающе осмотрела мой образ: строгий черный пиджак, надетый поверх бежевого топа, свободные брюки и грубые кожаные ботинки. Эмма одобрительно хмыкнула, но фыркнула, когда посмотрела на обувь.

— Почти идеально. Выглядишь как художница, которую не купишь, но можно договориться. Поехали заключать сделку?

Я кивнула, допила остывший кофе, и мы вышли.

— Поехали.

Галерея «Энигма» днём выглядела иначе. Без толпы, без музыки, без шороха дорогих платьев. Пространство дышало холодной, выверенной тишиной. Белые стены, бетонный пол, точечные светильники, подчёркивающие фактуру каждой работы. Нас встретила ассистентка: высокая брюнетка в очках без оправы, с лицом, не выражающим ровным счётом ничего. Она провела нас по коридору, мимо закрытых дверей, и остановилась перед последней.

— Мистер Рид ждёт.

Дверь открылась бесшумно.

Кабинет Паркера Рида был таким, как я и ожидала: минимализм, дорогие материалы, ни одной лишней детали. Стол из тёмного дуба, кресла из чёрной кожи, на стенах несколько работ, и все без подписей. На одной я узнала ту самую картину с телевизором вместо головы. Он всё же повесил её сюда.

Сам Паркер стоял у окна, спиной к нам, и смотрел на улицу. Когда мы вошли, он медленно повернулся. В дневном свете его лицо казалось менее резким, чем в тот вечер или мне просто не нужно было защищаться.

— Мисс Веснина, — он кивнул, затем перевёл взгляд на Эмму. — Мисс Чеймберс.

Он жестом пригласил нас сесть. Я опустилась в кресло, стараясь держать спину прямо.

— Кофе? — спросил он, и это прозвучало не как предложение, а как вежливая формальность, которую он соблюдал из привычки.

— Спасибо, не стоит, — ответила Эмма своим профессиональным тоном.

Паркер сел напротив, сложив руки на столе. На секунду он задержал взгляд на моих ботинках, потом на пиджаке, и в уголке его губ мелькнуло что-то, похожее на усмешку.

— Мисс Веснина, — начал он, и его голос был таким же низким, спокойным, без лишних интонаций. — Я просмотрел ваше портфолио. Несколько раз. Сначала я был настроен скептически. Коммерческие обложки, цифровой рисунок

— это не то, что обычно интересует меня для выставочных проектов, но потом я дошел до конца. До тех работ, которые вы, как я понимаю, делаете для себя.

Он открыл планшет, лежащий на столе, и повернул его ко мне. На экране была одна из моих любимых, но самых личных работ: женская фигура, сидящая на полу в пустой комнате, а из её груди растут ветви, пробивающие стены. Я назвала её «Сезон прорастания». Никто, кроме Эммы, её не видел.

— Эта, — сказал Паркер, — меня зацепила. И ещё три, которые я отметил.

Он перечислил их, и я чувствовала, как внутри поднимается волна — смесь страха и странного, почти запретного удовлетворения. Он видел. Он действительно видел то, что я прятала.

— Я предлагаю вам участие в групповой выставке, — продолжил он. — Тема: «Уязвимость». Пять художников, работы на стыке личного и публичного. Ваши три работы, которые я выбрал, и, возможно, одна новая, если успеете. Выставка через пять месяцев.

Я молчала, боясь, что если открою рот, скажу что-то не то. Эмма, почувствовав это, взяла слово.

— Паркер, условия?

Он переключил внимание на неё, и разговор перешёл в деловую плоскость. Проценты, сроки, страховка, каталог. Я слушала вполуха, сжимая в ладонях край пиджака. Когда всё

было оговорено, Паркер снова посмотрел на меня.

— Мисс Веснина, у вас есть вопрос, который вы не решаетесь задать.

Это было утверждение. Я подняла голову и встретила его взгляд. Серые глаза, изучающие уставились на меня.

— Почему я? — спросила я. — Художественный колледж, коммерческие обложки, не из вашего окружения. Почему вы тратите на меня время?

Он помолчал. Потом встал, подошёл к стене, где висела его картина, и коснулся рамы.

— Потому что вы не боитесь быть уязвимой. В своих работах. В разговоре. Даже в одежде, — он кивнул на мои ботинки. — Это редкое качество. В нашем мире все либо строят из себя небожителей, либо притворяются циниками. А вы… вы просто рисуете то, что чувствуете. И это видно.

Он повернулся ко мне, и в его лице снова промелькнуло то тепло, которое я заметила в тот вечер.

— И потом, — добавил он, и в голосе проскользнула лёгкая, почти незаметная ирония, — вы единственная, кто за последние три года сказал мне правду о моей работе. За это можно простить многое. Даже слишком смелый выбор обуви для деловой встречи.

Эмма тихо фыркнула, прикрывая рот. Я невольно улыбнулась. Мы подписали бумаги. Моя рука дрожала, внутри всё кипело.

Выходя из кабинета, я услышала его голос:

— Мисс Веснина.

Я обернулась.

— Та новая работа, если решитесь. Пусть она будет про то, что вас сейчас волнует. Не оглядывайтесь на тему выставки. Просто будьте честны. У вас это хорошо получается.

Мы с Эммой вышли на улицу. Холодный бостонский воздух ударил в лицо, но мне было жарко. Я сжимала в руках папку с контрактом и чувствовала, как мир вокруг становится немного более реальным.

— Рокси, — Эмма схватила меня за руку. — Ты только что подписала контракт с лучшей галереей города. Ты в порядке?

Я посмотрела на неё. На её сияющие карие глаза, на то, как она едва сдерживается, чтобы не запрыгать на месте.

— Нет, — сказала я, и голос мой дрогнул. — Я не в порядке. Я в полном, абсолютном, невероятном порядке.

Она обняла меня, и я почувствовала, как её тело вибрирует от сдерживаемого крика. Мы стояли так посреди тротуара, и прохожие обходили нас, кто-то улыбался, кто-то качал головой.

— Ладно, — сказала Эмма, отстраняясь. — Это надо отметить. Пошли.

Она потащила меня через дорогу, в бар, который я знала только по вывеске — «Споук», с велосипедным колесом над входом. Внутри было темно, пахло деревом и арахисом, из колонок лился старый, потрепанный блюз. Эмма заказала

две содовых с лаймом и лимоном.

— Без алкоголя, — пояснила она, поймав мой взгляд. — Я хочу запомнить этот день трезвой и ты запомнишь.

Мы сидели в углу, на продавленном кожаном диване, и говорили. О работах, сроках, о том, как страшно впервые попасть на выставку и как правильно себя подать. О том, что Эмма теперь официально мой агент, а значит, её комиссионные выросли и она наконец сможет перестать жить на кредитках. О том, что Марго в кафе поставит на стену афишу с моим именем, когда выставка будет объявлена. Эмма откинулась на спинку, крутя в пальцах дольку лимона.

— Знаешь, о чём я думала, когда Паркер сказал про «уязвимость»?

— О чём?

— О том, как ты боялась показывать мне те работы. Ты тогда сказала: «Это слишком личное, никто не поймёт».

— Я помню.

— А теперь эти работы повесят в лучшей галерее города и их увидят сотни людей.

— Или не увидят, — поправила я. — Может, они покажутся всем слишком мрачными.

— Рокси, — Эмма поставила стакан и посмотрела на меня в упор. — Ты правда так думаешь или просто привыкла ждать худшего?

Я промолчала. Она вздохнула.

— Ты знаешь, почему ты их прятала? Не потому, что

они «слишком личные». А потому что Мэтт сказал, что они «некоммерческие» и «никому не нужны». Ты поверила ему. А он был просто напуган, потому что в этих работах было больше таланта, чем во всём, что он когда-либо выставлял.

Я поморщилась, услышав его имя. Даже спустя два года оно вызывало неприятный осадок.

— Эмма, давай не будем.

— Нет, давай будем. — Она подалась вперёд, голос стал тише, но твёрже. — Потому что я вижу, как ты сейчас боишься того же. Того, что кто-то скажет, что твои чувства — это «некоммерческий продукт». Но ты уже не та, кто верит таким словам. Ты подписала контракт. Ты делаешь то, что хочешь, и это самое главное.

Я сжала стакан, чувствуя, как холод стекла передаётся пальцам.

— Он был не единственной причиной, — сказала я тихо. — После него я поняла, что всё это время играла чужую роль. Идеальная девушка, удобная, красивая. Я носила платья, которые он выбирал. Улыбалась, когда нужно. А потом оказалось, что я просто картинка. И он нашёл другую картинку, помоложе.

— Поэтому ты сожгла все свои наряды и спряталась в свитера?

— Не сожгла. Засунула в дальний угол шкафа, — поправила я. — Но не спряталась. Я нашла себя.

— И теперь?

Я посмотрела на свои ботинки, грубые, тяжёлые, такие непохожие на те туфли, которые я носила с Мэттом.

— Теперь я не хочу быть удобной. Ни для кого.

Эмма улыбнулась, и в её улыбке было что-то тёплое.

— Это я и имела в виду, когда сказала, что ты снова начала чувствовать. Ты перестала примерять маски. Даже эту, — она кивнула на мои ботинки, — ты носишь не как маску, а как… броню?

— Пожалуй, да, — ответила я. И удивилась, как легко это прозвучало.

Мы помолчали. В баре сменилась пластинка, блюз стал медленнее, тяжелее. Я смотрела, как Эмма крутит стакан, и вдруг заметила, что она смотрит в одну точку — на свои пальцы, сжимающие стекло.

— А ты? — спросила я. — Ты когда перестанешь примерять маски?

Она подняла голову, и в её глазах мелькнуло что-то быстрое, ускользающее.

— О чём ты?

— О Крисе, — сказала я прямо. — О том, что вы ходите вокруг друг друга уже который год. О том, что он смотрит на тебя так, будто ты — единственная женщина на свете. А ты делаешь вид, что не замечаешь.

Она резко отставила стакан. Лязгнул лёд.

— Рокси, не начинай.

— Почему? Потому что это неудобно? Или потому что ты

тоже боишься быть уязвимой?

Она хотела что-то сказать, но я перебила:

— Ты научила меня, что чувства — это сила. Что их можно обращать в искусство. Так почему ты прячешь свои?

Эмма отвернулась к окну. За стеклом моросил дождь, люди в капюшонах спешили по своим делам. Она молчала так долго, что я уже пожалела о своих словах.

— Потому что, — сказала она наконец, и голос её стал тише обычного, — я боюсь, что если выпущу их, он поймёт, что они не стоят того.

— Что?

Она повернулась ко мне, и я увидела в её глазах то, чего никогда не замечала. Неуверенность. Самую настоящую, глубокую, какую я знала по себе.

— Я не умею быть той, кого можно любить, Рокси. Я умею договариваться, продавать, продвигать. Я умею быть агентом, подругой, кем угодно. Но я не умею быть просто… женщиной, которую выбирают не за функциональность. Которой не нужно доказывать свою полезность.

Я смотрела на неё и не верила своим ушам. Эмма — всегда уверенная, громкая, бесконечно энергичная Эмма — говорит, что не верит в себя.

— Это он тебе сказал? — спросила я. — Или ты сама себе?

— Он ничего не говорил. Он просто… смотрит. А я не знаю, что делать с этим взглядом. Он слишком честный.

Слишком открытый. Я не привыкла к такому.

— Эмма, — я накрыла её руку своей. — Он смотрит на тебя так, не потому, что ты чего-то добилась или что-то доказала. А просто потому, что ты — это ты. И если ты сейчас не сделаешь шаг, ты всю жизнь будешь ждать, пока кто-то другой проживёт твою жизнь за тебя.

Она посмотрела на наши руки, потом на меня.

— С каких пор ты стала такой мудрой? — буркнула подруга.

— С тех пор, как начала писать письма незнакомцу за океан, — усмехнулась я. — Или с тех пор, как поняла, что прятаться дальше, глупо.

Она улыбнулась, но в её глазах всё ещё была та непривычная неуверенность.

— Может быть, — сказала она. — Может быть, я подумаю. Когда-нибудь.

— Не тяни, — попросила я. — А то он начнёт приходить ко мне на ужин каждый вечер, и я буду готовить на двоих. А я, знаешь ли, художница, а не повар.

Эмма рассмеялась, и в её смехе снова прорезалась привычная громкость.

— Ладно, ладно, уговорила, но не сегодня. Сегодня твой день и мы отмечаем его содовой и отсутствием мужских проблем.

Она подняла стакан.

— За выставку и за то, чтобы мы обе перестали бояться

быть теми, кто мы есть.

Я чокнулась с ней. Лёд снова звякнул, и этот звук показался мне правильным. Как маленькая точка отсчёта.

Мы вышли из бара, когда стемнело. Дождь уже прошёл, оставив после себя мокрый асфальт и холодный, чистый воздух. Эмма поймала такси и, садясь, обернулась.

— Рокси.

— Что?

— Ты напишешь ему?

Я знала, о ком она.

— Напишу, — сказала я.

— Сегодня?

— Сегодня.

Она улыбнулась, и в её глазах было что-то ещё, помимо радости за меня. Что-то более личное. Может быть, надежда, а может быть, решение.

— Тогда я тоже кое-что сделаю, — сказала она и захлопнула дверь.

Такси уехало, а я осталась стоять на тротуаре, сжимая в руках папку с контрактом, и чувствовала, что сегодняшний вечер изменил что-то в нас обеих. В каждой по-своему.

Дома было тихо. Я повесила пиджак на спинку стула, положила папку с контрактом на стол, рядом с мольбертом. Прошлась по комнате, включила чайник. Села на диван. Потом я взяла телефон и написала Крису короткое сообщение: «Подписала контракт с Энигмой. Групповая выставка через

пять месяцев».

Ответ пришёл через минуту. Сначала смайлик — глаза по пять копеек. Потом ещё одно сообщение: «Сестрёнка, я так горжусь. Ты заслужила. Когда отмечаем?»

Я улыбнулась, но не ответила. Отложила телефон. Сев за стол, я достала чистый лист бумаги для письма. Рука легла на бумагу, и я закрыла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.